

УДК 781.7+378.878

М. Ю. Дубровская

МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ЯПОНИИ КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ

Статья посвящена проблематике японоведения – актуальной области современного этномузыкознания – в аспекте методологического осмысления насущной проблемы высшего музыкального образования. Анализ опыта комплексного изучения и преподавания музыкальной культуры Японии на материале учебного процесса ведущих консерваторий – МГК и НГК им. М. И. Глинки – вскрывает его созвучность геополитическим интересам РФ.

Ключевые слова: музыкальная культура Японии, японистическое музыкознание, российские музыкальные вузы, системность, методология.

M. Y. Dubrovskaya

JAPANESE MUSICAL CULTURE AS SUBJECT FOR STUDYING

The article is devoted to review of achievements of actual and actively developing sphere of Russian ethnomusicology – musical studying of Japan and to the statement of the important problem of domestic High musical education: the studying of accumulated experience of complex Japanese musical culture teaching. By means of analytical examination of history and methodology of the Course based on the issues of leading Russian Musical High Schools – Moscow State Conservatoire and Novosibirsk State Conservatoire it is obviously that the introduction of this Course to domestic High Education has geopolitical sense for Russia.

Keywords: Japanese musical culture, domestic Japanistic ethnomusicology, Russian musical High Schools, system, methodology.

Музыкальная культура Японии, несмотря на исторически недавнее, в период Мэйдзи (1868–1912), вхождение в мировое музыкальное пространство, уже более ста лет притягивает взоры европейских востоковедов, в том числе их российских коллег. Как справедливо трактует истоки этого явления Е. М. Дьяконова, представления о Японии органически входили в общее представление россиян о Востоке как обетованной земле, потерянном рае, «Индии духа» и т. д. Отсюда линия идеализации этой страны, в которой для русского наблюдателя с конца XIX – начала XX века все было пронизано искусством и артистизмом, что вполне соответствовало пришедшему из Европы (Франция, Германия, меньше Англия) восхищению японским искусством [1].

В наше время общепризнан вклад японской цивилизации в мировую культуру. Художественно-эстетическое (в том числе и музыкальное) наследие японцев оказало заметное воздействие на творческое формирование многих выдающихся создателей европейского искусства, представителей ряда радикальных и популярных художественных течений и групп второй половины XIX–XX веков: «Прерафаэлитское братство», импрессионисты, «Сецессион», «Мир искусства», поставангард, минимализм и др. Это писатели, поэты, критики и историки искусства – Эмиль Золя, Эдмон де Гонкур, Жозе Мариа де Эредиа, Джон Рескин, Уитлер

Патер, Оскар Уайльд, Константин Бальмонт, Андрей Белый, Николай Гумилев; художники – Эдуард Манэ, Клод Моне, Эдгар Дега, Винсент Ван Гог, Уильям Моррис, Джеймс Мак Нейл Уистлер, Обри Бердсли, Уолтер Крейн, Игорь Грабарь, Мстислав Добужинский, Эмиль Преториус, Густав Климт; кинорежиссер С. Эйзенштейн; композиторы – К. Дебюсси, Г. Малер, Б. Бриттен, Г. Кауэлл, Б. Роджерс, А. Хованесс, К. Штокхаузен, Дж. Кейдж, О. Мессиаан, С. Райх, Ф. Гласс, М. М. Ипполитов-Иванов, И. Ф. Стравинский, А. Н. Черепнин, Д. Д. Шостакович, Б. И. Тищенко, С. А. Губайдуллина, М. Г. Богданов и др.

Российские литература и поэзия, музыка и театр, как известно, также весьма значительно повлияли на формирование нового литературно-поэтического, театрального и композиторского творчества Японии в начале XX века. В современную эпоху весьма очевидна политико-экономическая и геокультурная целесообразность, более того, насущная необходимость продолжения интегративных процессов между странами-соседями России и Японией, разделенных тремя войнами прошлого столетия. И самым прочным мостиком, как показывает опыт многолетней практической деятельности автора настоящей статьи, здесь служит популяризация высоких образцов национального искусства, а также исследования музыкально-художественного наследия народа-соседа. Не углубляясь

в причины ситуации, отметим, что на заре XXI века отечественные культура и искусство предпринимают нелегкие попытки хотя бы сохранять свои прежние позиции в Японии, не говоря уже об их приумножении. Напротив, японское культурное присутствие в РФ постепенно наращивается, чему в немалой степени – помимо неправительственных организаций типа Японского Фонда и Международного общества исследований синто (МНОС) – способствуют ТВ и сети Интернет. При этом российская студенческая молодежь в наши дни за малым исключением судит о богатейшем художественном наследии Страны восходящего солнца лишь на основании рок- и поп-культуры, анимэ и манги.

В подобной ситуации злободневность научного поиска очевидна, так же как и анализ существующего отечественного опыта в деле изучения музыкальной культуры Японии. Методологический базис этого процесса составляют достижения отечественного японистического музыкознания, которое оформилось в качестве ветви российского музыкального востоковедения к середине 1970-х годов. За прошедшее время накоплено немало ценных и продуктивных разработок в исследовании музыкальной культуры Японии. Они нашли отражение в кандидатских диссертациях В. И. Сисаури (Ленинград, 1975) и С. Б. Лупиноса (Москва, 1984), посвященных ранней инструментальной традиции *гагаку*; кандидатской и докторской диссертациях автора настоящей статьи (Москва, 1985; Новосибирск, 2005), исследовавшей музыку в традиционном театре Японии на материале Но и Кабуки, а также формирование японской композиторской школы и творческой деятельности ее основоположника – Ямады Косаку; кандидатских диссертациях М. В. Есиповой (Ташкент, 1988), сформулировавшей ряд существенных черт традиционной японской музыки в контексте исторической эволюции основных принципов

музыкальной организации; Е. В. Южаковой (Новосибирск, 2002), вскрывшей специфику музыкально-художественной системы японского театра Но; Н. И. Чабовской (Новосибирск, 2003), исследовавшей жанр *данмоно* сольной традиции исполнительства на *кото*; О. В. Жуковой (Новосибирск, 2005), Е. А. Снежковой (Новосибирск, 2007), посвященных творчеству ведущих японских композиторов второй половины XX века – Дана Икума и Такэмицу Тору. Отечественное этномузыкознание, таким образом, внесло определенный вклад в обширный свод фундаментальных трудов в сфере традиционной японской музыки ученых Западной Европы (позднее, США), и самой Японии, имеющий более чем столетнюю историю.

Как можно заметить, в начале XXI века российские исследования феноменов и персоналий музыкальной культуры Японии прошлого и настоящего сконцентрировались в г. Новосибирске, конкретнее, в Новосибирской государственной консерватории (академии) имени М. И. Глинки. Показательна универсальность новосибирской школы японистического музыкознания: здесь разрабатывается проблематика наследия как канонической, так и динамической (композиторской) систем музыкального творчества Японии. Реализация последнего направления диктовалась назревшей необходимостью исследования процессов формирования и развития японской композиторской школы. Здесь бесспорен приоритет научных изысканий, проводимых в НГК (академии) им. М. И. Глинки, так как проблема изучения процессов становления в XX веке нового академического музыкального профессионализма сохраняет свою актуальность не только для российского, но и международного, в том числе японского, музыкознания. Японоведческие исследования в Новосибирской консерватории продолжаются и в настоящее время. Упомянем в этой связи находящуюся

в работе кандидатскую диссертацию аспирантки НГК им. М. И. Глинки С. В. Жуковской, выполняемую под руководством автора настоящей статьи и посвященную изучению музыкальной стороны ритуально-обрядового комплекса исконной религии японцев синто. Эта работа, вкупе со статьями М. Ю. Дубровской [2], ознаменовала рождение новой ветви российской музыкальной японистики – *музыкальной синтологии*.

Следует подчеркнуть, что столь последовательное и массированное изучение музыкальной культуры восточного соседа нашей страны – Японии – стало возможным благодаря целенаправленной новаторской исследовательской политике не только в научной деятельности специалистов ряда российских музыкальных вузов, но и в вузовском учебном процессе. В него постоянно внедряются результаты перспективных научных и методических разработок, осуществляемых российскими и зарубежными музыковедами-японоведами.

Кратко обобщим свои соображения по поводу этой инновации отечественного высшего музыкального образования.

Современное состояние высшего образования России, в том числе музыкально-академического, предоставляет возможности постепенно преодолевать свойственный отечественной высшей школе еще с советских времен европоцентризм и композиторцентризм. Включение в систему подготовки специалистов теоретического и, по возможности, практического знакомства с традициями и современными достижениями музыкально-художественных культур государств Азии, сопредельных с Россией, требует инновационной педагогической деятельности, ибо соответствующие курсы до настоящего времени не включены в нормативные учебные планы и программы ВШ. В число подобных «изгоев» высшего российского гуманитарного (в том числе музыкального, искусство-

ведческого, культурологического) образования долгое время входила музыкальная культура народа-соседа России – Японии. Собственно, и в наши дни лишь в некоторых ведущих творческих вузах и университетах России (в первую очередь, на востоковедческих кафедрах) включены в учебные планы и программы отдельные часы, посвященные японскому музыкально-художественному наследию.

Необходимость внедрения универсального знания иностранного языка и его культурного контекста в целях соблюдения своих геополитических и геокультурных интересов давно и своевременно осознали в большинстве научно-образовательных центров мира – Германии, Франции, Великобритании, США, Китае и др. Так, потребность изучения японской ментальности вызвала создание после Второй мировой войны специальных учебных подразделений (чаще всего факультетов университетов) для детального знакомства с музыкально-художественным наследием этого народа, где происходит не только изучение, но и практическое освоение различных жанров музыкального наследия японцев, например, музыки для *кото*, *сямисэна* и *сякухати*. Привлекает системность подобного востоковедческого образования, органично включающего языкознание, этномузыковедение, искусствоведение и культурологию. При этом изучение музыкальной культуры Японии проходит обычно в широком контексте дальневосточной метакультурной зоны. Такая образовательная база, вне всякого сомнения, способствует подготовке высококвалифицированных специалистов-востоковедов широкого профиля, в том числе научных кадров, досконально знающих избранную неевропейскую культурную традицию.

В качестве примера подобной плодотворной образовательной инициативы приведем функционирующую в Лондонском

университете Школу изучения внеевропейских культур (School of Oriental and African Studies), в которой студентами осваиваются в рамках соответствующих учебных курсов жанры традиционной музыки трех дальневосточных культур: **корейской** – *nongak/p'ungmul* и *SamulNori*, в том числе вокальная музыка *minyo*, *p'ansori*, *kagok / sijo*, а также придворные ритуалы и религиозная музыка; **китайской** – инструментальные ансамбли, ритуальные контексты, оперы и повествовательные песни, элита инструментальных сольных традиции – *цин* и *пина*; **японской** – эксклюзивные традиции исполнительства на традиционных инструментах *сякухати* и *бива*, театральная музыка – Но, Кабуки и Бунраку, придворно-аристократическая оркестровая музыка *гагаку*, буддийская и синтоистская музыка [3].

В системе российского высшего образования соответствующие факультеты (институты) государственных университетов (например, ИСАА при МГУ, гуманитарные факультеты НГУ, НГТУ и др.), театральные институты и ряда педагогических университетов (в частности, ИИГСО НГПУ) также довольно последовательно стремятся развивать традиции углубленного изучения культурологии восточных языков, в том числе японского. Одним из позитивных факторов этого процесса представляется введение в учебно-просветительские планы Ориент-центра кафедры востоковедения гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета курса «История культуры и искусства Востока», ответственным редактором и одним из составителей которого выступила автор настоящей статьи [4]. Вместе с тем в отечественных музыкальных вузах стремление к симбиозу теории и практики в изучении и исследовании японской музыкальной культуры прослеживается в течение последних десятилетий, насколько известно, в деятельности лишь трех музыкальных и

художественных вузов: МГК им. П. И. Чайковского, НГК (академии) им. М. И. Глинки и музыкального факультета ДВГАИ.

Давно назревшее обучение будущих российских специалистов-музыкантов началам познания сущностно-специфических черт музыкального наследия Востока, в частности японской художественной традиции стало возможным благодаря осуществлению инновационного прорыва в сфере включения в учебный процесс предметов, связанных с новыми для российских музыкальных вузов направлениями. Их обобщенно принято обозначать «музыка внеевропейских традиционных культур».

В Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского еще в 1980-е – первой половине 1990-х годов первые подобные курсы «Музыкальные культуры стран Азии, Африки, Австралии и Океании (вопросы истории, теории и методики изучения)» и «Музыкальные культуры мира» разработал и читал Дж. К. Михайлов. Продолжением этой традиции стал курс «История внеевропейских музыкальных культур», который преподается с 1995 года профессором кафедры истории зарубежной музыки МГК В. Н. Юнусовой. В опубликованной программе данного курса музыкальная культура Японии рассматривается в трех темах (5, 6 и 7-й) второго раздела «Музыкальная культура Дальнего Востока и Центральной Азии», не выделяясь, таким образом, в отдельный предмет [5]. Немаловажно, что разработка методологии научного познания феноменов внеевропейских музыкальных культур позволила доктору искусствоведения В. Н. Юнусовой возглавить такую динамично развивающуюся ветвь отечественного этномузыкознания, как музыкальное востоковедение.

Значительным подспорьем для углубленного и, что важно, практического освоения названного курса студентами Московской

консерватории стала с 1998 года деятельность Российско-японского центра музыкальной культуры при МГК им. П. И. Чайковского (руководитель – доцент М. В. Каратыгина). Организованный в ходе работы этого центра ансамбль японских музыкальных инструментов «*Ва-он*» («Японское звучание») является ядром фестивалей японской музыкальной культуры «*Нихон-но кокоро*» («Душа Японии»), которые ежегодно проводятся в концертных залах г. Москвы с 2000 года и пользуются заслуженным признанием слушателей – почитателей японской культуры. Осенью 2001 года в программе 2-го московского фестиваля «*Нихон-но кокоро*» приняли участие под руководством автора настоящей статьи также педагоги и студенты НГК им. М. И. Глинки – члены Центра японской музыкальной культуры при Новосибирской консерватории [6].

В данных фестивалях принимают участие как российские (в первую очередь, московские) музыканты, так и разнообразные японские ансамбли и исполнители, причем, не только сугубо музыкального искусства: сюда включается весь спектр традиционного художественного наследия японцев. В силу этого, а также благодаря тому, что московские ансамбли играют на *кото*, *сямисэне*, *сякухати* и других популярных традиционных инструментах Японии, на данном примере можно говорить о системном погружении в японскую музыкально-художественную традицию.

В этом плане важными представляются методологические принципы и методические подходы, легшие в основу концепции курса в МГК. Во-первых, весь дидактический материал подразделяется на три периода: Древность, Средневековье и Новое время, хотя (это учитывается в конкретных разделах курса) принципы и границы периодизации неодинаковы в разных регионах мира. Во-вторых, в связи с этим в разделы курса вклю-

чены варианты периодизации, принятые в тех или иных культурах, таким образом, учитывается, что региональная периодизация часто отличается от принятой в европейском музыковедении и ориентирована на внутренние исторические события. Это позволяет лектору сопоставлять бытующие различные точки восприятия музыкально-исторического процесса, особенно показательные для тех вне-европейских культур, которым до недавнего времени не был присущ исторический взгляд (в его линейном европейском понимании) на собственное прошлое. При этом в изложении материала курса преобладает исторический подход. Системный метод позволяет рассматривать каждую национальную внеевропейскую музыкальную культуру в контексте региональной и мировой культуры в целом. В целом курс формируется по региональному принципу и по конкретно выделенным странам. Третья позиция: интерпретированный в программе рассматриваемого курса комплексный подход обусловлен неразрывной связью музыкального мышления с национальной историей, литературой, мифологией, религией и мировоззрением. Им же определена значительная культурологическая составляющая в материале курса, наличие в нем данных искусствоведения, языковедения, религиоведения, философии и других смежных дисциплин. Наконец, методическое обоснование курса предусматривает следующее его построение: каждый раздел начинается с общеметодологических лекций и вводных тем, рассматривающих общие характеристики музыкальных культур.

Результатом плодотворной педагогической и научно-организационной деятельности специалистов-этномузыковедов Московской консерватории стали разработки новых научных направлений отечественного музыковедения, подготовка кандидатских и докторских диссертаций по соответствующей проблематике, регулярное

проведение международных конференций «Музыка народов мира» с публикаций их материалов.

С 1990-х годов вслед за МГК им. П. И. Чайковского этномузыковедческое направление начало развиваться также и в Сибири – на сформированной в Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки кафедре этномузыкознания (зав. кафедрой – доктор искусствоведения, профессор С. П. Галицкая). В отличие от курсов, читаемых в Московской консерватории, предмет «Традиционная музыка народов мира», разработанный и внедренный в учебный процесс НГК им. М. И. Глинки в 1990 году С. П. Галицкой, при аналогичном охвате тем и феноменов музыки народов мира не включает материал по современному музыкальному искусству внеевропейских культур в аспекте национального композиторского творчества. При этом в него добавлены разделы, посвященные традиционному музыкальному наследию христианства (католического, православного) средневековой Западной и Восточной Европы. Кроме того, структура курса предусматривает иной – в сравнении с МГК – принцип подразделения: по конфессиональному признаку (христианство, ислам, буддизм) и лишь во вторую очередь – по региональному.

С начала 1990-х годов на кафедре этномузыкознания Новосибирской консерватории читались также авторские курсы по отдельным внеевропейским музыкальным культурам. В их числе – разработанный автором настоящей статьи факультативный курс «Музыкальная культура Японии», читаемый в НГК с 1994 года. Опора на методологические принципы, откристиллизовавшиеся в российском общем японоведении (**принцип историзма, цивилизационный и контекстуальный подходы**) определила концепцию курса. Она зиждется на признании

самобытности «японского пути» музыкально-исторического развития при наличии в нем достаточно широкого среза общетипологических сходств с процессами и характером наследия в музыкальных культурах других стран Востока в прошлом и настоящем, что распространяется также на содержательные и структурно-выразительные свойства японской музыки.

Избрание в качестве ведущего принципа историко-стилевой преемственности в хронологической ретроспективе было обусловлено как устоявшимися подходами российской музыкально-исторической науки, так и установками традиционной японской историографии, органично воспринятой российским японоведением. Содержание курса постоянно пополняется результатами актуальных для международного музыкознания научных изысканий, проводимых в НГК (академии) им. М. И. Глинки [7], научно перспективными разработками японских и западных (европейских и американских) ученых.

Таким образом, данный курс представляет собой первый в отечественном музыковедении опыт обобщения, классификации и переизложения в учебных целях бытующей в настоящее время научной информации по основным темам истории музыкальной культуры Японии. Некоторые из лекций, посвященные отдельным жанрово-стилевым явлениям японской музыкальной культуры («Синто в традиционной музыкальной культуре Японии», «Музыкальный фольклор Японии», «Музыкально-художественная система *ногаку*», «*Гагаку* – придворная оркестровая музыка Японии», «Творчество Ямады Косаку (1886–1965) и других крупнейших японских композиторов первых поколений» и др.), носят историко-теоретический характер, в других («Типологические черты музыкальной культуры Японии», «Музыка театров Дзэрури и Кабуки», «Пути развития японского композиторского творчества в период второй

половины XX века» и др.) интерпретируется историко-типологический подход, изложение третьих тем («Музыкально-художественная культура Древней Японии», «Эпохи Асука и Нара в истории музыкальной культуры Японии», «Музыкально-художественная культура эпохи Хэйан» и др.) использует музыкально-культурологические методы. Лекции обнимают основные вехи почти двухтысячелетнего исторического пути, пройденного японским музыкальным и музыкально-театральным искусством: от древности до XX века, от традиционного до композиторского творчества [8]. Тем самым составляется общее представление о специфике и направленности развития музыкально-художественной культуры Японии.

Продолжение изучения учебного материала осуществляется в НГК (академии)

им. М. И. Глинки в классе по специальности автора настоящей статьи, на занятиях факультатива профессора кафедры народных инструментов А. В. Кугаевского (класс *кото*), а также в классе заведующей кафедрой сольного пения – профессора З. З. Диденко, где происходит освоение шедевров японской песни-романса XX века.

На основании изложенного можно констатировать, что ряду флагманов российской высшей школы к настоящему времени удалось заложить основы исследования, инновационного комплексного преподавания и практического освоения японского музыкального наследия. Таким образом, изучение в РФ музыкальной культуры Японии как предмета науки и сегмента вузовского учебного процесса начинает обретать искомую целостность и системность.

Литература

1. Дьяконова Е. Японизм в русской культуре Серебряного века (конец XIX – начало XX века) [Электронный ресурс]. – URL: http://eastwest.rsuh.ru/binary/67096_56.1236344538.08547.doc. 15.04.2009 (дата обращения: 20.03.2012 года)
2. Дубровская М. Ю. Кагура и современная музыкальная жизнь японцев: к вопросу об этномышкетедческом исследовании феноменов синтоистского ритуала // Синто и японская культура: Труды VIII Международного симпозиума Международного научного общества исследователей синто. – М.: Макс Пресс, 2003. – С. 113–139; Она же. Феномен синтоистского ритуала кагура: к вопросу его отражения в творчестве композиторов Японии // Музыка и ритуал: структура, семантика, специфика: материалы Международной конференции / Новосиб. гос. консерватория (академия) им. М. И. Глинки; Римский университет «Тор Вергата». – Новосибирск, 2004. – С. 400–409.
3. School of Oriental and African Studies, University... – Educationindex [Электронный ресурс]. – URL: www.educationindex.ru/.../school-of-oriental-and-african-studies-university-of-london (дата обращения: 20.09.2011 года).
4. История культуры и искусства Востока: программа курса / сост. и отв. ред. М. Ю. Дубровская. – Новосибирск, 2010. – 39 с.
5. История внеевропейских музыкальных культур: программа для студентов высших учебных заведений по специальности 070111 «Музыковедение» / сост. и науч. ред. В. Н. Юнусова. – М.; Казань, 2006. – С. 3–4.
6. Второй Московский Международный фестиваль японской музыки «Нихон-но кокоро» («Душа Японии»): буклет / ред.-сост. М. И. Каратыгина. – М., 2001. – 45 с.
7. Дубровская М. Ю. Музыка в традиционном театре Японии (на материале Но и Кабуки) // Япония: идеология, культура, литература. – М., 1989. – С. 83–88; Она же. Из истории формирования композиторской школы Японии: Ямада Косаку (1886–1965) // Вопросы музыкознания: сб. ст. / Новосиб. гос. консерватория им. М. И. Глинки. – Новосибирск, 1999. – С. 81–96; Она же.

- Феномен Ямады Косаку (японские впечатления) // Сибирский музыкальный альманах, 2000 / Новосибир. гос. консерватория им. М. И. Глинки. – Новосибирск, 2001. – С. 208–214; Она же. Об исторических предпосылках к формированию японской композиторской школы в культуре эпохи Мэйдзи // Теория и история культуры в вузовском образовании: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. А. Хохлова, А. М. Фурсенко, Е. Б. Шерешевской / Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 2003. – С. 122–129; Она же. Условия формирования и становления японской композиторской школы в культуре эпохи Мэйдзи // Музыка и время. – 2003. – Вып. 2. – С. 41–47; Она же. Ямада Косаку и формирование японской композиторской школы (последняя четверть XIX – первая половина XX века). – Новосибирск: Наука, 2004. – 570 с.; Она же. К изучению создания японской фортепианной литературы // Вестник НГУ. – 2011. – Т. 10, вып. 4. – С. 139–144; Жукова О. В. Три ко-ута Икума Дан // Интеллектуальный потенциал Сибири: сб. тезисов докладов межвузовской научной студенческой конференции. – Новосибирск: Изд-во НГАХА, 1996. – С. 53; Она же. О творчестве Икума Дан // Интеллектуальный потенциал Сибири: сб. тезисов докладов межвузовской научной студенческой конференции. – Новосибирск: Изд-во НГАХА, 1997. – С. 35; Плахова А. Ю. Мияги Мичио. «Хару-но уми» (черты стиля) // Вопросы музыкознания: сб. ст. – Вып. 11. – Новосибирск: Новосиб. гос. консерватория (академия) им. М. И. Глинки, 2006. – С. 155–184; Снежкова Е. А. Из истории развития японской композиторской школы второй половины XX века в контексте проблемы «Композитор и фольклор» // Наука и художественное образование: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 25-летию КГАМиТ (14–16 ноября 2003 года) / отв. ред. С. В. Гаврилова, О. Ю. Колпецкая. – Красноярск, 2003. – С. 269–280; Она же. Модель мира японцев в контексте своеобразия культуры Японии // Материалы II Международной научно-практической конференции (18–19 ноября 2004). – Т. 3. – Улан-Удэ, 2004. – С. 78–88; Она же. Такэмицу Тору: творческая самобытность как результат диалога культур // Межкультурное взаимодействие: проблемы и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции. Кострома, 5–6 сентября 2006 / отв. ред. С. Н. Ваулина. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2006. – С. 245–250; Чабовская Н. И. Рокудан: интонационное строение, формообразование // Проблемы музыкознания: ст. молодых музыковедов / Новосиб. гос. консерватория им. М. И. Глинки. – Новосибирск, 2000. – С. 48–53.
8. Дубровская М. Ю. Музыкальная культура Японии: авторская программа-конспект факультативного курса: учеб. б-ка. – Новосибирск: Изд. Новосибирской консерватории имени М. И. Глинки, 2007. – 53 с.; Она же. Музыкальная культура Японии: учеб. пособие: учеб. б-ка. – Новосибирск: Изд. Новосибирской консерватории имени М. И. Глинки, 2007. – 72 с.; Она же. Японская композиторская школа в период первой половины XX века: учеб. пособие: учеб. б-ка. – Новосибирск: Изд. Новосибирской консерватории имени М. И. Глинки, 2007. – 23 с.